

ЯЗЫК . СЕМИОТИКА . КУЛЬТУРА

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

том I
(Древняя Русь)

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
Москва 2000

ББК 63.3(2)46-7
И 32

И 32 Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). - М.: Языки русской культуры, 2000. - 760 с. - (Язык. Семиотика. Культура).

ISBN 5-7859-0093-9

Первую часть тома составляет монография В. Я. Петрухина «Древняя Русь. Народ. Князь. Религия». Во вторую часть вошли статьи по истории русской культуры и литературы Киевской Руси С. С. Аверинцева, В. М. Живова, Д. С. Лихачева, и др. (Ранее, в 1997-1998 годах, вышли тома III-V, охватывающие XVII-XIX века русской истории.)

Книга адресована как широким читательским кругам - старшим школьникам, студентам, просто любознательным читателям, интересующимся историей русской культуры, так и более подготовленным читателям - студентам, аспирантам и преподавателям специализированных кафедр и факультетов по истории культуры.

ББК 63.3(2)46-7

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-7859-0093-9

9 785785 900936 >

© В. Я. Петрухин. Составление, 2000

© Авторы, 1999

© А. Д. Кошелев. Серия «Язык. Семиотика. Культура», 1995

© В. П. Коршунов. Оформление серии, 1995

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей 9

Часть первая

В. Я. ПЕТРУХИН

ДРЕВНЯЯ РУСЬ: НАРОД. КНЯЗЬЯ. РЕЛИГИЯ.

Глава 1. Введение. Древняя Русь и начало русской культуры	13
1. Повесть временных лет и начальный период русской культуры	13
2. «Киевская Русь» и «Святая Русь». История и эпос	19
3. Периодизация русской истории и культуры — традиция и историография	25
Глава 2. Древние славяне и Древняя Русь. К предыстории русской культуры	29
1. Венеты, склавины, анты. «Свой» и «чужие»	29
2. «Дунайская прародина» и расселение славян	38
3. Первые события славянской истории. Авары и волохи в летописном предании. Земледельческая колонизация	50
Глава 3. Начало Руси. Средневековая история и историографические мифы.	58
1. Русь и «все языци»	59
2. Начальная Русь и начальное летописание. Взгляд из Киева и Новгорода	69
3. Происхождение Руси: средневековая традиция и современная историография	80
4. Историографический миф: народ рос и амазонки в Среднем Поднепровье	88
5. Русь: имя и история	94
Глава 4. Князь и право в идеологии Древней Руси. «Ряд» и «самовластье»	102
1. «Ряд» легенды о призвании варягов и славянское право	104
1.1. Легенда о призвании варягов и исторические реалии	115
1.2. Три брата-правителя. Космографическая традиция и княжеский род в Древней Руси	122
2. Две концепции власти и деяния первых русских князей	138
2.1. Вещий Олег. «Ряд» между русью и славянами	140
2.2. Смерть Игоря Старого и месть Ольги. Конфликт племенного и государственного права в летописном изложении.	151

2.3. Святослав: Русская земля и «империя» на Дунае	162
2.4. Владимир Святославич: византийский образец и борьба за единовластие	167
2.4.1. Борис и Глеб: отношение к старшинству	175
2.5. Ярослав Мудрый и его сыновья. От «Русской правды» к разделу «Русской земли»	179
2.6. Владимир Мономах и феодальное право	195
2.7. Наследие Мономаха. Андрей Боголюбский и Владимирская Русь	208
Глава 5. Язычество и христианство в Древней Руси.	
Мифы и реалии	235
1. Боги, бесы и святилища	235
1.1. Род и рожаницы	236
1.2. Святилища и мнимости в археологии	243
2. Курганы: княжеские и племенные культы в древнерусском язычестве	245
3. Пантеон Владимира.	257
4. Крещение Руси. От выбора веры к основанию Церкви	261
5. Основание Десятинной церкви: «Ветхий завет» и древнерусская традиция	277
6. Древнерусское двоеверие: церковь и «народное христианство»	288
6.1. Восстание волхов: языческая реакция или миллениаризм?	315
Заключение. «Погибель Русской земли» и идея возрождения Руси	324
Литература	372
Именной указатель	402

Часть вторая

СТАТЬИ

В. В. ИВАНОВ, В. Н. ТОПОРОВ О древних славянских этнонимах (Основные проблемы и перспективы)	413
Н. И. ТОЛСТОЙ Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца, автора «Повести временных лет»	441
А. А. ГИППИУС «Повесть временных лет»: о возможном происхождении и значении названия	448
С. Я. СЕНДЕРОВИЧ Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историографии	461

А. В. НАЗАРЕНКО Порядок престолонаследия на Руси X—XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) . . .	500
С. С. АВЕРИНЦЕВ К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской	520
В. М. ЖИВОВ Slavia Christiana и историко-культурный контекст <i>Сказания о русской грамоте</i>	552
В. М. ЖИВОВ Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси. . . .	586
Б. А. РОМАНОВ «Отцы духовные»	618
В. П. ДАРКЕВИЧ «Градские люди» Древней Руси: XI—XIII вв.	640
Л. С. ЧЕКИН Безбожные сыны Измаиловы	691
Б. Н. ФЛОРЯ У истоков конфессионального раскола славянского мира (Древняя Русь и ее западные соседи в XIII веке).	717
Д. С. ЛИХАЧЕВ Обращение к «своей античности»	725
Л. А. БЕЛЯЕВ Общевропейские элементы в древнерусском искусстве. X—XII вв. . .	732

От составителей

Выпуском тома I «Древняя Русь» мы продолжаем издание пяти-томного сборника работ по русской культуре под общим названием «Из истории русской культуры». Ранее уже вышли:

том III (XVII — начало XVIII века);

том IV (XVIII — начало XIX века);

том V (XIX — начало XX века).

Готовится к изданию том II («Московская Русь»).

Цель предпринимаемого издания — отразить те представления о русской культуре и ее динамике, которые сформированы трудами наших современников — филологов, историков, культурологов. Хронологически — это работы трех последних десятилетий. Редкие исключения из этой хронологии сделаны для работ, сыгравших ключевую роль в развитии современного понимания отечественной культуры, в частности для книги Г. Флоровского «Пути русского богословия», некоторые главы из которой включены в тома «Сборника».

Структура тома. Каждый том составляется из двух примерно равных частей: хронологической и тематической. Хронологическая часть — это единый текст, дающий целостное изложение истории культуры соответствующего периода. Он самодостаточен (для его понимания не требуется обращения к другим источникам, основные понятия и термины подробно поясняются, дается указатель имен) и ориентирован на широкие читательские круги. Тематическую часть составляют как новые, так и ранее публиковавшиеся статьи разных авторов, посвященные отдельным темам рассматриваемого периода культуры. Они носят, как правило, более специальный характер и рассчитаны на более подготовленного читателя.

Назначение издания. «Сборник» адресован как широким читательским кругам — старшим школьникам, студентам, просто любознательным читателям, интересующимся историей русской культуры, но не обладающим систематическими знаниями в этой области, так и более подготовленным читателям — студентам, аспирантам и преподавателям специализированных кафедр и факультетов по истории культуры.

Благодарности. В заключение этого общего предисловия Составитель хотел бы выразить свою искреннюю признательность всем тем, чье доброжелательное участие и помощь в разработке концепции, структуры и содержания «Сборника». Особая роль здесь принадлежит В. Я. Петрухину, в беседах с которым многие самые общие соображения составителя уточнялись и наполнялись конкретным содержанием. Чрезвычайно полезными были также беседы о содержании «Сборника» с В. С. Баевским, Б. Ф. Егоровым, В. М. Живовым, В. Н. Топоровым и Б. А. Успенским, а в более поздний период — с Н. И. Толстым и С. М. Толстой. В осуществлении проекта неоценимы советы и дружеское участие М. И. Козлова.

А. Кошелев

18 апреля 2000 г.

Первый том серии «Из истории русской культуры» посвящен Древней Руси — самому раннему периоду истории русской культуры, включающему ее предысторию: формирование и дифференциацию славянской этнической общности в VI—X вв., и собственно древнюю историю: характеристику культуры Древнерусского государства в IX—XIII вв. Первую часть тома составляет монография «Древняя Русь: народ, князья, религия». Сложная взаимосвязь этнических, политических (государственных) и религиозных факторов развития русской культуры обнаруживается уже в древнейший период ее истории: русский княжеский род был той государственной силой, которая удерживала в относительном единстве русские — в прошлом племенные славянские — земли; русские князья осуществили строительство той Церкви, которая определяла национальное и духовное самосознание «нового» русского народа. Правовые коллизии внутри княжеского рода во многом предопределили и историческую драму Древней Руси удельного периода и «погибель» древней Русской земли от монголо-татарского нашествия. Но основания русской культуры, заложенные в Древней Руси, оказались достаточно прочными и равно близкими ее современным наследникам.

Естественно, что в монографии не могли быть в равной мере затронуты все аспекты развития древнерусской культуры. Задачу характеристики определенных ее аспектов призваны выполнить статьи, помещенные во второй части книги. К предыстории русской культуры относится статья В. В. Иванова и В. Н. Топорова о древних славянских этнонимах. Проблемам Начальной летописи — Повести временных лет, своеобразной древнерусской «конституции», — посвящены статьи Н. И. Толстого, А. А. Гиппиуса и С. Сендеровича. Статья А. В. Назаренко вводит в сложную проблему престолонаследия внутри русского княжеского рода. Специфике восприятия византийского (и античного) наследия в древнерусской культуре — проблеме, фундаментальной для понимания ее судеб, — посвящены статьи С. С. Аверинцева и В. М. Живова. Глава знаменитой монографии Б. А. Романова «Люди и нравы Древней Руси» характеризует быт клира — «духовных отцов». Городскому быту — важнейшему пласту древнерусской культуры, открытому археологами, посвящена статья В. П. Даркевича. О западных и восточных влияниях в древнерусском искусстве говорится в статье Л. А. Беляева, об отношении Руси к кочевому миру — в работе Л. С. Чекина. Статья Б. Н. Флори ставит проблему конфессионального раскола, произошедшего в славянском мире в эпоху монголо-татарского нашествия. Наконец, фрагмент книги Д. С. Лихачева «Развитие русской литературы X—XVII вв.» повествует о судьбах возрождения древнерусской культуры в средневековой Руси: Древняя Русь была для русского средневековья «своей античностью».

В. Петрухин

14 апреля 2000 г.

Часть первая

В. Я. Петрухин

ДРЕВНЯЯ РУСЬ
Народ. Князья. Религия

ГЛАВА 1. ВВЕДЕНИЕ. ДРЕВНЯЯ РУСЬ И НАЧАЛО РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

1. Повесть временных лет и начальный период русской культуры

Первая часть цикла книг «Из истории русской культуры» посвящена Древней Руси*, в узком смысле — культуре того государства, которое сложилось в Восточной Европе в IX в., распалось на самостоятельные княжества и земли в XII в., сохранив при этом общее наименование — Русская земля, и было разгромлено монголо-татарским нашествием середины XIII в., изменившим судьбы древнерусской культуры. Одной из главных исторических и историко-культурных проблем этого периода оставался вопрос, сформулированный еще летописцем Нестором, писавшим на рубеже XI—XII вв. — по истечении первого века русского христианства. Зачин Начальной русской летописи гласит: «Се Повести временных лет, откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первое княжити, и откуда Руская земля стала есть» (ПВЛ. С. 7). И в контексте летописи, и в контексте русской истории вопрос этот приобретал отнюдь не «узкий» и прикладной характер, и речь шла не только об образовании государства с княжеским столом в Киеве.

Речь у Нестора шла, во-первых, о месте Руси во всемирной истории, первоначально — в христианской истории славянства; сам язык Руси, как и язык летописи, был славянским и был тождан Кириллом и Мефодием как язык Священного писания, и Библия была главным образцом для летописца. Во-вторых, Нестор повествовал о месте Руси в современном ему мире, отношениях с «погаными» степняками-кочевниками, заморскими варягами, исламским Востоком, латинским Западом и православной Византией, прежде всего — о месте Руси в христианской цивилизации. История Руси была уже для Нестора и первых русских христиан прямым продолжением Священной истории, воплощением Божьего промысла (о чем см. ниже). Какие бы конъюктуры, уточнения и исправления не вносила в своих комментариях к Начальной русской летописи современная наука, летописное повествование стало нашей историей — даже самые «легендарные» сюжеты, будь то путешествие Андрея Первозванного по Днепру и Волхову — пути из варяг в греки, призвание варягов или «щит на вратах Цареграда», повешенный Вещим Олегом, обрели особый смысл в русской истории, стали (по словам А. М. Панченко) ее

* Автор первой части книги признателен В. М. Живову, С. А. Иванову и А. А. Турилову за труд, который те взяли на себя при прочтении рукописи, и за замечания, которые были учтены при ее доработке. Исследовательская работа над 4 и 5 главами первой части проводилась в рамках проектов № 99-01191 («Христианство в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы на пороге второго тысячелетия») и № 99-0416084 («Славянский и балканский фольклор») (РГНФ).

аксиомами и, стало быть, созидательными основами истории и культуры. Недаром Орден Андрея Первозванного, введенный Петром в конце XVII в. (и возрожденный ныне), оказался провозвестником петровских реформ (ср. *Лотман, Успенский* 1982. С. 240—241), а «врата Царьграда» оставались целью (хоть и недостижимой) политики Российской империи вплоть до последнего российского императора¹.

Но суть истории не в этих, пусть и весьма значимых, сюжетах. Повесть временных лет не была памятником лишь начальной «домонгольской» Руси. Сам Нестор и его последователи — летописцы и редакторы Повести — использовали византийские хроники, «жития», дошедшие до них (и часто реконструируемые по летописи), русские летописные своды и другие источники. Эта колоссальная работа средневекового историка — работа «сводчика», составителя летописного *свода*, приводила к тому парадоксальному результату, что сводчик не сознавал себя «автором» — он был носителем традиции и воплощал эту традицию в своей работе. Традиция эта опять-таки основывалась на представлениях о всемирной истории как истории Священной, направляемой Божественным провидением, а не «авторской волей» исторических деятелей. Тем более авторское сознание не могло быть «определяющим» у христианских хронистов и летописцев, взявших на себя «труд, завещанный от Бога»; отсюда — важность и равноценность событий, которые не кажутся равноценными современным историкам, внимание к знамениям и чудесам, происходящим во временной последовательности, самодовлеющая важность хронологии — вплоть до обилия «пустых» — не заполненных событиями — годов в Повести временных лет: время абсолютных дат — течение истории — независимо от человеческих деяний, они имеют смысл лишь в их соответствии Божьему промыслу (ср. *Еремин* 1966. С. 72 и сл.; *Аверинцев* 1977. С. 84 и сл.; *Лихачев* 1979. С. 254 и сл.). В этом отличие хроник и летописей от жанра «истории»: хроника повествует о хронологической последовательности временных событий во всемирной истории, начиная с сотворения мира и первых событий Священной истории, «история» (начиная с Геродота) рассказывает об актуальных событиях конкретного исторического периода, имеющих последовательность причинно-следственную (ср. *Лихачев* 1979. С. 269—270). Естественна при этом нарочитая «монашеская» приниженность авторского чувства хрониста, в том числе предшественника Нестора Георгия Амартола, само монашеское прозвание которого означало «Грешник» (ср. об историческом жанрах и проблеме авторства в византийской литературе — *Чичуров* 1975; *Бибиков* 1998).

В наибольшей мере это отсутствие выраженного авторства (в сравнении с западноевропейскими — и византийскими — хрониками: ср. *Мильдон* 1992)

¹ Ср. понимание вселенского «значения идей в истории» у русского религиозного философа «серебряного века»: «Не для узко национальной эгоистической цели, а только во имя сверхнародного, общечеловеческого смысла Россия может получить в свое обладание Царьград и проливы. Для этого она должна победить в себе свой национальный эгоизм и явить в себе духовную силу, высшую по сравнению с теми народами, против которых она борется, ибо Царьград неотделим от *идеи* христианского царства; в силу своего центрального, господствующего положения он служит средоточием разнообразных страхов и надежд народов» (Е. Трубецкой 1994. С. 368).

свойственно русскому летописанию, в том числе начальному. Показательно, что сам Нестор не назвал себя в Повести временных лет (его имя упомянуто лишь в позднем — XVI в. — Хлебниковском списке Ипатьевской летописи), — летописцем он именовался в другом монументальном памятнике домонгольской Руси, в «Киево-Печерском патерике», посвященном «житиям» монахов Киево-Печерской лавры, одним из которых был Нестор. Лаврентьевский список Начальной летописи завершается глоссой, казалось бы, указывающей на иное авторство: «Игумен Сильвестр святого Михаила написах книги си Летописецъ, надеяся от Бога милость прияти, при князи Володимире, княжашю ему Киеве, а мне в то время игуменящю у святого Михаила в 6624, индикта 9 лета; иже чтьть книги сия, то буди ми в молитвах» (ЛВЛ. С. 121). Выдубицкого игумена Сильвестра считали составителем летописи при Владимире Мономахе в 1116 г. не только непосредственные продолжатели летописания, но и некоторые современные исследователи — во всяком случае, ему должна была принадлежать особая (вторая) редакция летописи Нестора (ср. СКК. XI—XIV вв. С. 390—391). Однако глосса Сильвестра прерывает текст Начальной летописи об ангелах Божиих, который продолжается в Ипатьевском списке: этот список, как ныне считается, и представляет собой первоначальную сохранившуюся редакцию Повести временных лет (ср. Мюллер 1999; Творогов 1997; БЛДР. Т. 1). Объем и содержание работы Сильвестра остается неясным, тем более что сам глагол *написати* означал в древнерусском языке не только «сочинение», составление, но и переписывание книжного текста, что само по себе характеризует средневековое отношение к «авторству». Сильвестр не претендовал на авторство — он претендовал на поминание в молитвах, ибо совершил свое дело, «надеяся от Бога милость прияти».

Итак, речь в летописях шла о начале *Русской земли и русского народа* как народа христианского — о том, «*како избра Бог страну нашу на последнее время*» (записано в другой — тоже анонимной — древней русской летописи — Новгородской Первой: НПЛ. С. 103): летописец (в середине XIII в. им был, как полагают, пономарь Тимофей — ср. Гиппиус 1997) не мог поставить свое имя рядом с именем этого Автора. Это «смиренномудрие», которое А. М. Панченко (1992) считает специфической чертой славянской цивилизации, отсутствие определенно выраженной позиции авторства (характерное для раннесредневековой эпохи еще и потому, что ее собственная литература выростала из переводных образцов и «анонимного» фольклора — ср. Пиккио 1981; Аверинцев 1996. С. 76 и сл.) делало Начальную русскую летопись (и последующее летописание) открытой для исправления, редактирования и включения в другие своды, подобно тому, как «открытой» для свершения своих судеб оставалась всемирная, а с ней и русская история (ср. о поэтике «летописного времени» и «художественном» образе летописца-старца: Еремин 1966. С. 42—97; Лихачев 1979, С. 254 и сл.)².

² Ср. характеристику летописания у Д. С. Лихачева: «Система изображения течения исторических событий у летописца есть следствие не «особого мышления», а особой философии истории. Он изображает весь ход истории, а не соотношенность событий. Он описывает движение фактов в их массе. Прагматическую связь фактов он стремится не замечать, так как для него важнее их общая зависимость от Божествен-

Эта «анонимность» летописца—свидетеля свершающегося замысла Божьего—сродни анонимности древнерусских зодчих, имена которых редко упоминаются источниками: показательно, что даже в «бытовой» надписи строителей на стене новгородской Софии, сообщающей о закладке храма (21 мая 1045 г.), не перечислены имена (ср. Даркевич 1998. С. 125—126). Почитаемый на Руси болгарский автор первой трети IX в. Иоанн Экзарх, прямой наследник кирилло-мефодиевской традиции, сравнил в своем Шестодневе труд раннесредневекового книжника с работой строителя: «А эти шесть слов, господин мой (обращение к болгарскому царю Симеону— В. П.), не сами мы сочинили, но [взяли] что-то и переписали теми же словами из “Шестоднева” святого Василия; а иное позаимствовали у него по смыслу; также из Иоанна (Дамаскина— В. П.) и из кого нам в разные времена читать доводилось. Вот так и собрали целое: подобно человеку, мимо которого прошел бы господин его, и тот пожелал бы построить господину своему дворец, но не имея из чего строить, пошел бы он к богатым людям и попросил бы у них— у одного мрамор, у другого кирпичи [...] Когда же захотел бы он тот дворец открыть, не имея материала для кровли, достойного кирпича, стен и мрамора [...] покрыл бы его соломой. Столь же беден и наш ум: не имея в своем доме ничего, строит он из чужого, добавляя кое-что и из своего нищего дома» (*Родник златоструйный*. С. 47; *Иоанн Экзарх*. ба-б; ср. о соответствии структуры «Слова о Законе и Благодати» Илариона принципам размещения фресок и мозаик в храме: глава 4.2.5). Дом, крытый соломой, открыт для перестроек и, если прочен фундамент, возведения новых этажей.

Повесть временных лет стала прочным фундаментом русской истории. Летопись подверглась редактированию уже в начале XII в.: ее редакции дошли до нас в поздних летописных сводах— Лаврентьевской летописи, составленной на Северо-Востоке Руси— в Ростове и Владимире— в XIV в., и в Ипатьевской летописи конца XII— начала XIV вв. (ср. об их соотношении из последних работ— *Творогов* 1997), составленной в южнорусских землях. К этим общерусским летописным сводам восходят другие летописи и летописные списки, в том числе к Лаврентьевской близка знаменитая Радзивилловская летопись, украшенная в XV в. миниатюрами, иллюстрирующими летописные сюжеты.

В том или ином виде Повесть временных лет вошла в состав большинства поздних летописных сводов и «историй»— вплоть до «Истории» В. Н. Татищева. До конца XV в.— начала формирования официальной идеологии Московского царства («Москва— Третий Рим»), возводящей династию москов-

ной воли. Факты и события возникают по воле сверху, но не потому, что одни из них вызывают другие в «земной» сфере» (*Лихачев* 1979. С. 259). И хотя сведение всей этой «массы фактов» к «мирской суете», равно как и отсутствие в их изложении причинно-следственной связи можно считать относительными (эту относительность отмечает сам Д. С. Лихачев— 1979. С. 270; ср. ниже об историческом событии как правовом прецеденте в летописи, о «самовластии» князей в связи с представлениями о Божьей правде и т. п.), представляется справедливой отмеченная Д. С. Лихачевым общая тенденция: «Летописец создает «уровненное» течение событий, следующих друг за другом в мерном ритме чисел и лет, не признает неровного ритма причинно-следственной связи» (*Лихачев* 1979. С. 260).

ских князей к императорскому Риму, легендарному Прусу, родичу самого Августа («Сказание о князьях Владимирских») — живые представления о единстве Русской земли, давно разделенной на уделы, и о братских узах, объединяющих всех русских князей (давно погрязших в усобицах), основывались на исторических изысканиях составителя Начальной летописи (не случайно составитель летописного «свода 1448 г.» был прозван «Нестором XV в.»: *Лурье* 1988). Жанр «истории» стал формироваться в русской средневековой культуре с распадом Киевской Руси и появлением местных историй русских земель — такова Галицко-Волынская летопись XIII в., называемая летописью лишь условно, так как ее текст не был разбит на погодные записи; но Галицко-Волынская летопись была включена в Ипатьевскую и в ней получила хронологическую разбивку (ср. *Приселков* 1996. С. 96—97; *Лихачев* 1979. С. 269). Можно сказать, что кристаллизация жанра «истории» происходит со становлением Русского царства — централизованного государства, демонстрацией его «центрального» места во всемирной истории — со «Сказанием о князьях Владимирских», «Казанской историей» и т. п.

В Древней Руси господствующим оставался летописный жанр (хотя жанр «истории» был известен по переводным сочинениям, в первую очередь — по «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия: см. *Мещерский* 1958). Поэтому Повесть временных лет синтезировала, включала в свое летописное построение сюжеты, свойственные «историческому» жанру. Первые события русской истории и деяния первых русских князей, начиная с призвания варягов «по ряду» — договору — воспринимались как важнейшие правовые прецеденты, ключевые для исторических судеб Руси. Княжеская распря с первым нарушением крестного целования (1068 г.) привела к половецкому набегу: Бог «показа силу крестную на показанье земле Русьстей»; И. П. Еремин (1966. С. 52) считал, что Нестор писал летопись «в надежде, что она станет настольной книгой для современных ему князей». Недаром в предисловии к Новгородской Первой летописи, составленной, видимо, в XIII в., но использовавшей ту же Повесть временных лет (и предшествовавший ей Начальный свод), содержится мольба (опять-таки анонимного составителя) к власти имущим следовать примеру «древних князей»: «Вас молю, стадо Христово, с любовью приклоните уши ваши разумно: како быша древнии князи и мужие их, и како отбараху Руския земле, и ины страны придаху под ся; теи бо князи не сбираху многа имения, ни творимых вир (судебных поборов — В. П.), ни продаж (чрезмерные налоги) вскладаху люди; но ожу будяше правая вира, а ту возмя, даше дружине на оружье. А дружина его кормяхуся, воююще ины страны и быющесе и ркуше: “братие, потягнем по своем князе и по Руской земле [...] Они бо не складаху на своя жены золтых обручи, но хожяху жены их в серебряных; и расплодили были землю Руськую. За наше несытство навел Бог на ны поганяя, а и скоты наши и села наша и имения за теми суть”» (*НПЛ*. С. 103—104). Очевидно, что речь здесь идет не об очередном набеге «поганых» половцев (каждый из которых также считался знаменем Божьего гнева), о борьбе с которыми повествует Нестор, а о более страшном бедствии, подробно описанном в Новгородской летописи, хотя собственно Новгород эта беда (но не ее последствия) обошла стороной: речь идет о монголо-татарском нашествии, которое воспринималось современными ему русскими книжниками как «погибель Русской земли».

Это характерное для христианского писателя самосознание, когда несчастья собственной земли воспринимались как казнь Божья за *собственные грехи*, требующие обличения, было всегда присуще русскому летописанию. Последователь Начальной летописи (считавший ее составителем Сильвестра), уже в XV в. повествуя об очередном татарском разорении — нашествии Едигея (1408 г.), в первую очередь винил русских князей в «расколе» и наведении татар себе в помощь, как некогда приводили половцев, а те «наважаху брата на брата». «И сия вся написаная, аще и не лепо кому зреться, иже толико от случившихся в нашей земле неговейне (неблагодетности — В. П.) нам изъглаголавшем, мы бо ни досажаящи, ни завидяще чести вашей и таковая вчинихом, яко бо обретаем Начального летословца киевскаго, иже всея временнобогатства земская не обинуяся показуеть. Но и первии нашия властодръжци без гнева повелевающе вся добрая и недобрая прилучившаяся написовати, да и прочим по них образы явлени будутъ, яко же при Володимере Монамаса оного великаго Селивестра Выдобыжскаго, не украшая пишущаго, почет почиеша» (ПлДР. XIV — первая половина XV в. С. 254; ср. Симеоновская летопись. С. 227). Сильвестр достиг своей цели — заслужил посмертный почет, ибо не приукрашивал происходящего. Современные же «властодержцы» должны были внимать новому летописцу, который «хвалу и клевету приемлет равнодушно» («не завидяще чести вашей»), ибо его «музой» был сам Господь.

Нестор в Начальной летописи повествовал о начале Руси, и сумел описать феномен Русской земли в его единстве — единстве Божьего замысла и исторической динамике — динамике становления народа (этноса, «языка»), государства (княжеской власти) и его христианской культуры (религии). Имя «Русь» принесли с собой к восточным славянам дружины призванных из-за моря братьев — варяжских князей сначала в Новгород, потом в Киев и оттуда — повсюду, куда простиралась власть русских князей. Оттуда «пошла Русская земля». Единому государству — Русской земле — нужна была единая культура, воплощенная в единой вере и едином «законе». «Выбор веры» — византийского православия — при князе Владимире был предопределен главным направлением этнокультурных связей, сложившихся еще в IX—X вв. на «пути из варяг в греки». С крещением и просвещением — восприятием книжного славянского языка — на Руси, по словам Нестора, стали жить «новые» люди, сформировался новый русский народ (в историографии именуемый древнерусской народностью). С тех пор политические границы Русского государства и этнические границы русского народа претерпевали многократные изменения, на основе «древнерусской народности» сформировались новые восточнославянские народы — русские, украинцы и белорусы, менялись столицы и политический строй.

Поиски неких главных и конкретных черт самобытной русской культуры направлены часто на преходящие формы общественного быта. Если вспомнить знаменитую формулу С. С. Уварова о православии, самодержавии и народности, то можно заметить, что при всей неясности для самого творца официальной идеологии николаевской эпохи понятия «народность» (см. Егоров 1996. С. 81—87), именно этнокультурные связи оказались наиболее устойчивыми. Русский народ стал складываться еще до крещения Руси и пережил удельную и самодержавную формы правления, попытки заменить этниче-